

АЛЕКСАНДР БУБЕННИКОВ

Царь и причины

• Исторический детектив •

Грозный. Исторический детектив

Александр Бубенников

Царь опричный

«ЭКСМО»

2022

Бубенников А. Н.

Царь опричный / А. Н. Бубенников — «Эксмо»,
2022 — (Грозный. Исторический детектив)

ISBN 978-5-04-166468-8

Роман повествует о закате царства Ивана Грозного и раскрывает наиболее знаковые события из его жизни: сватовство к сестре польского короля Сигизмунда-Августа, королевне Екатерине и к дочери верховного правителя Большой Кабарды Темрюка. Впервые раскрываются тайны брака Царя с Марией Темрюковной, отравления изменниками новорожденного сына - царевича Василия Ивановича. И, в конце концов, отравления самой царицы Марии. Месть Царя за отравленную царицу Марию была ужасной, но справедливой. А последовавший затем карательный поход Грозного на мятежные Новгород и Псков, пожелавшие уйти под покровительство европейского короля, еще раз ярко и исчерпывающе подтверждает имя, данное великому русскому правителю – Грозный...

ISBN 978-5-04-166468-8

© Бубенников А. Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	19
5	23
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Бубенников

Царь опричный

1

Царь-вдовец и поминование царицы

Всего через восемь дней после трагической кончины царицы Анастасии митрополит Макарий, первые святые отцы Русской Православной Церкви и думские бояре пришли в покои Ивана Васильевича и предложили сильно горевавшему о супруге 30-летнему царю-вдовцу искать новую невесту.

– А как же законы человеческой пристойности? – еле слышно спросил чёрный лицом, выплакавший глаза государь. – Даже наши деревенские вдовцы-мужики через семь дней себе баб для женитьбы не подыскивают... Законы пристойности блюдут строго... Полгода, год, а то и пара лет требуется, чтобы церковные законы исполнить... Как там, владыка, какая правда?.. Что скажешь на этот счёт?..

Митрополит Макарий, к которому был обращён вопрос, только тяжело вздохнул, пожевал губами застывшие на языке слова «надо, государь, если это тебе и всем надо», но ничего не ответил. Застыл с печальным лицом, как вкопанный, выдерживая многозначительную паузу.

– Мужикам-вдовцам нечего торопиться с новой женитьбой и поиском невест. А за тобой, царь, стоит целое государство, и царю нужна царица, чтобы Русь новыми землями и народами прирастала, да и себя от врагов и недругов защищала. – Сказал велеречивый думский боярин Данила Романович Захарьин. – Пусть мужики как-то перебьются и даже перепьются в долгих поисках невест, а за скорым браком русского царя интересы Москвы должны стоять.

Царь дёрнул щекой, покривился, не то, улыбаясь легонько, не то, гневаясь, но не сильно, скорее снисходительно, и сурово оглядел замерших в почтительном поклоне советчиков «искать невесту. На глазах государя выступили слёзы, когда он со слёзным комком в горле обратился к ближайшим родичам почившей, только что похороненной любимой царицы:

– Настасьюшка-то не обидится там? – он сделал неопределенный жест рукой, показывая куда-то ввысь и вдаль... – Ведь душа после лютой смерти государыни девять дней ищет в новый духовный мир... Телесная жизнь моей любимой супруги завершилась восемь дней назад... Завтра девятый решающий... Не рано ли разговоры вести о поисках новой невесты, когда место души погибшей царицы не определилось...

– Правильно молвишь государь о душе нашей любимицы... – Сказал, погладив окладистую бороду боярин Василий Михайлович Захарьин-Юрьев, двоюродный брат царицы. – В эти дни и, особенно, на девятый день нам, самым ближайшим родичам усопшей Анастасии, важно не только быть верным русским православным традициям, но и своими душами в живых наших телах отпустить душу из умершей телесной оболочки на волю... Иначе душа моей любимой сестрицы долго не сможет обрести покоя... Душа её должна обрести покой... А завтра во время поминования определимся со всем и с невестой, в том числе... Главное, чтобы ты был готов к принятию государственного решения о твоём новом браке...

– Именно нам, родным... – поперхнулся боярин Иван Петрович «Хирон» Захарьин-Яковлев, троюродный брат Анастасии, но тут же, откашлявшись, восстановив нормальное дыхание, продолжил. – ...и самым близким царицы, на завтрашнем дне поминования в честь девяти ангельских чинов, которые являются защитниками душ усопших, надо просить о помиловании безгрешной души сестрицы.

– Завтра?.. – царь вытер слёзы и, горько выдохнув из горла слёзный комок, внимательно посмотрел на митрополита, а потом обвёл взглядом родичей-бояр. – А владыка мне уже на четвёртый день после кончины царицы напомнил, что её душа с личным Ангелом-хранителем заходит в райские врата и может обозревать всю тамошнюю райскую красоту... Правильно, владыка?

– Да, государь, – кротко ответил митрополит Макарий. – С четвёртого по девятый день душа её на шесть дней забывает всю мировую скорбь, которую она чувствовала, будучи в телесной живой оболочке. Раба божья Анастасия никогда не была грешна, я знаю, что говорю, и говорю истинную правду. Но даже, если бы душа Анастасии была в чём-то грешна, то душа начинает в райских пенатах укорять себя. А на девятый день Господь Бог, Царь Небесный приказывает Ангелам душу грешную на поклонение... И там душа грешная Анастасии...

– Душа у неё, моей нежной женушки была безгрешной, – прошептал Иван Васильевич, и его глаза снова наполнились слезами мучимого душевными страданиями несчастного вдовца. – Безгрешная у неё душа, владыка, безгрешная...

Митрополит грустно вздохнул и, выдержав многозначительную долгую паузу, продолжил:

– Безгрешная или грешная, это неважно... Всё равно душа на девятый день после телесной смерти, выйдя из оболочки тела, со страхом и трепетом предстаёт перед Небесным Троном Всевышнего... И именно в этот день наша церковь будет молиться о милосердии Бога к усопшей, несказанно рано почившей рабе божьей Анастасии...

– Владыка, хочу переговорить с глазу на глаз на девятый день сразу после молебна перед скромной трапезой поминовения. Хочу задать один прямой вопрос. – Царь усмехнулся с жалкой улыбкой страждущего раба божьего. – Как ответишь, так и будет... С невестой... И, вообще, как жить теперь мне...

Затянувшееся молчание прервал боярин Фёдор Иванович Умной-Колычев, дальний родич Анастасии и всех Захарьиных, любимец Грозного, отлично выполнявший поручения царя окольничим в Посольском приказе.

– Господь отпустит муки душе грешной или безгрешной всё равно...

– У Анастасии была безгрешная душа... – еле слышно выдохнул прослезившийся царь-вдовец. – Слышишь, Фёдор...

– ...Слышу, государь, – проямлил побледневший боярин. – Но даже попав в ад после девятого дня земной смерти, душа может искренне покаяться, увидев все муки грешников в аду. Душа должна вспомнить свои неправильные действия и поступки, признать неправоту своих действий и помышлений вольных или невольных. А мы на поминовении вспомним всё только хорошее и светлое в земной жизни Анастасии. Авось, и наши добрые слова о царице помогут её на Божьем суде... Я-то знаю, где ей предстоит коротать вечность – в раю, конечно...

Сразу после молебна на девятый день после кончины Анастасии царь задал митрополиту мучивший его несколько дней вопрос:

– Скажи, владыка, могу я жениться на сестре короля Сигизмунда-Августа?

Без долгого раздумья митрополит ответил уверенным спокойным голосом:

– Можешь, государь...

– Только одна незадача выходит с выбором невесты. Насколько мне известно, владыка у бездетного Сигизмунда-Августа, сына короля Сигизмунда Старого и Боны Сфорца есть две сестры, старшая Анна Ягеллонка и младшая Екатерина Ягеллонка...

– Есть из кого выбрать, государь...

– Но старшей, точнее, старой Анне уже тридцать восемь лет, а младшей тоже не мало, тридцать четыре года... На рождение детей рассчитывать не приходится... Но брачная овчинка стоит серьёзной выделки: любая сестра бездетного Сигизмунда-Августа может перенести при

замужестве со мной в Москву права королевского дома Ягеллонов на Литовское княжество, разумеется, временно. Трудность в том, как утвердить на литовской земле права царя Москвы и его престолонаследника...

– Царевича Ивана Ивановича?

– Да, Ивана... Или Фёдора... И совсем легко можно будет договориться с королем Сигизмундом-Августом, в случае моей удачной женитьбы на одной из его сестёр-невест, насчёт соглашения с Польшей о разделе союзниками побеждённой Ливонии...

– Можно будет напомнить королю, что твоя тётка Елена Ивановна была женой невестинного дяди Александра Казимировича. – Митрополит задумался и осторожно напомнил. – У твоей тётки, между прочим, возникли большие сложности в браке при её нежелании принимать латинскую веру. Но с другой стороны, при нежелании польских невест креститься по православному обычаю, можно привести другой приме, не как у твоей тётки. Великая княгиня Софья Витовтовна при замужестве с твоим прадедом Василием Дмитриевичем была крещена по-нашему обычаю.

– Главное для меня, владыка, что ты дал согласие на мой второй брак.

Действительно, за скромным поминальным столом тихого поминовения без горячительных напитков вспоминали только хорошее и доброе из жизни Анастасии. Бояре вели себя достойно, скромно и сдержанно, говорили почти шепотом, время от времени поглядывая на молчаливого мрачного царя, отдававшегося своим тревожным государевым думам. Как в 1557 году к ливонским границам выступило сильное московское войско под началом сидящего за поминальным столом боярина-воеводы Данилы Романовича и касимовского правителя Шаха-Али. Поначалу всё шло великолепно для Москвы, большая часть Ливонии была сильно разорена, к весне 1559 года русские войска заняли множество ливонских городов-крепостей, учредив московские порядки на этой земле. Но в 1560 году в затянувшуюся войну на стороне Ливонского ордена выступили опасные противники Москвы Польша и Швеция. Великий магистр Ливонского ордена Кетлер стал вассалом Польши, а Москва неожиданно для себя вместо одного слабого противника получило несколько сильных врагов – Польшу, Швецию, Литву и присоединившуюся к союзу Данию. «Ведь король Сигизмунд может за перемирие при моём браке с сестрой и перенесении прав на Литву Ягеллонов в Москву может потребовать от меня возвращения Польше Смоленска, а там и до Пскова или Новгорода дело может дойти. Лиха беда – начало кроить земли... Что же делать, как брак устроить и земель не потерять, а приобрести?»

Неожиданно очнувшийся митрополит Макарий, прервав его мысли, обратился с вопросом, как бы, ко всем присутствовавшим на поминовении, но в значительной степени к царю:

– Князю Владимиру Старицкого сообщали о поминовении на девять дней?

– На сороковины сообщим, – пообещал Данила Романович, – он же нашей Анастасии седьмая вода на киселе... Да к тому же двоюродный брат царя Ивана Васильевича не особенно жаловал царицу Анастасию...

– На поминовение девятидневное приглашают только самых близких родных усопших, владыка, – сказал боярин Василий Михайлович. – Государь сам знает, кого приглашать сюда, а кого не приглашать... Сказал бы, нужен ему брат Владимир, сообщили бы и доставили...

– ...И безопасность личную обеспечили бы, – поддакнул боярин Иван Петрович, – в лучшем виде, если бы государь нам приказал.

Царь неторопливо поднял руку, призывая к вниманию и отчеканил строгим голосом не терпящим возражения:

– Фёдор Колычев подберёт в своём посольском приказе послов в Литву с брачным предложением польской невесте, сестре короля Сигизмунда-Августа... Благословения на брак в этот день просить у владыки не буду... Рано и туманно всё... К тому же и сегодня вопрос с крещением невесты стоит так же остро, как и во времена свадебного поезда моей тётки Елены

Васильевны к королю Александру. А пока решим так, что и послы в Литву, и бояре во время сговора с панями вопрос крещения не поднимают.

– Мы уже вчера после встречи с тобой, государь, обсудили с боярами, как будем встречать в Москве невесту-королевну, где ей надобно жить до перехода в православие, до свадьбы...

– Разумеется, до вступления во второй брак я составлю новое завещание, в котором будет закреплён новый порядок престолонаследия, имущественное положение царицы...

– Хорошо, государь, – вырвалось одновременно из уст Ивана Петровича и Фёдора Ивановича...

– Хорошо, да не всё, – повысил голос царь, – в завещании я укажу расширенный состав душеприказчиков, которые войдут в опекунский совет при престолонаследнике. А главными опекунами царевича Ивана Ивановича будете вы бояре... – Царь цепко глядел в глаза каждому, имя и отчество которого называл. – ...Данила Романович, Василий Михайлович, Иван Петрович и Фёдор Иванович... Всякое может случиться, и брак с польской королевной не выгорит, так другой брак придумаем с вами, опекунами будущими... Нельзя русскому царю жить без царицы, правильно мне на молебне сегодня утром сказал...

– Нельзя, государь, – согласно кивнул головой Макарий. – Будет тебе царица, не так, так эта, не эта, так та...

2

Брачное посольство в Польшу

Московскому послу Фёдору Сукину, отправленному Великое Литовское княжество с брачным предложением от царя Ивана Васильевича было дано следующее письменное предписание:

«Едучи дорогою до Вильны, разузнать накрепко про сестёр королевских, сколько им лет, каковы ростом, как тельны, какова которая обычаем и которая лучше? Какая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будет так же хороша, как меньшая, но будет ей больше 25 лет, то о ней не говорить, а говорить о меньше».

Перед отъездом Сукина в Вильну государь вызвал к себе своего любимца, главу посольского приказа Фёдора Колычева и любопытствовал насчёт содержания письменного предписания послу. Колычев на память осветил это содержание.

Царь хмыкнул с лёгкой улыбкой на устах:

– Надо же, какие телячьи нежности относительно лет, стати большей и меньшей королевен. Дородность пусть оценивают.

– Что не так государь?

– Не важно, так или не так, – усмехнулся Иван Васильевич, – текст письма, приказа для посла не менять... В этом приказе есть нечто трогательное и забавное, смешное даже...

– Но ты, государь, что-то заметил в этом приказе смешное и странное, поясни, если ты считаешь это нужным.

– Я знаю, сколько лет сёстрам, и об уродстве старшей и красоте младшей сестры слышан от моих верных людей в Литве, из иудейской и русской партий, держащих мою сторону.

– Так я прикажу Фёдору Сукину связаться с ними...

– А вот этого делать не надо, Фёдор Колычев, только засветишь моих людей, отрежешь уши и выколешь глаза моих тайных приверженцев, разведчиков своего рода...

– А-а... Понял государь... – Промямлил Фёдор. – Приказ не меняем, ориентируемся на месте и тут же все детали переговоров с королём и его сановниками тут же передаём тебе... Ведь брачное дело не терпит...

– Не терпит, Фёдор, это верно. – Царь взметнул руку, призывая к вниманию главы посольского приказа. – Вот о тебе, Фёдор Колычев, я знаю, что ты дальний родич царицы Анастасии. Просвети меня о степени родства твоего к роду Захарьиных. Я ведь любознательный и любопытный государь, вот и восполни мой пробел в знаниях...

– Слушай, государь, раз тебе это нужно, – пылко, покраснев, ответил Колычев. – Основатель нашего рода Фёдор Александрович Колыч был внуком Андрея Кобылы и двоюродным дядей Захарьина-Кошкина. Так что с твоей царицей Анастасией, нынешними Захарьиными из регентского совета и прочими из сильной боярской московской партии... я одной крови...

– ...Крови Кобылы, – тонко пошутил государь. – Я понял, что княжеской крови Рюриковичей у тебя и всех членов партии Захарьиных-Романовых не течёт...

– Не течёт, государь, – согласно кивнул головой Колычев. – Через царицу Анастасию наш род, в жилах которого течёт кровь Кобылы, к трону приблизился, знатность свою увеличил...

– Ступай, Фёдор, и твоего тёзку Сукина вразуми, что он едет в Литву с государевым поручением особой важности. Многое зависит от этого брачного предложения, судьба мира и войны на наших западных границах. Выполняя царское поручение и Сукину накажи, пусть потроха живота выложит, но добьётся исполнения царского приказа в тонких политических играх государя Московского.

– Слушаюсь, государь. – Рывкнул с пьяным куражом исполнителя повеления Грозного царя Колычев и подумал тут же, трезво и мрачно: «Может, я зря огорчил государя тем, что в жилах его любимой супруги, как и во всех Захарьиных, Колычевых текла и течёт доньяне «кобылья» кровь? Надо же угораздило наших предков обозначить своё место в истории нашего государства с прозвищем, а потом и фамилией Кобыла... Но ведь потомки Андрея Кобылы изменили смешное прозвище на более благозвучные фамилии Колычевых, Юрьевых, Захарьиных, Романовых...»

Прибывший в Вильну посол Сукин быстро и бесхлопотно выяснил, что младшая королевна значительно краше и образованней старшей королевны, потому панам, ведшим переговоры с ним от имени короля, было предложено Сигизмунду-Августу выдать за царя Ивана Васильевича его младшую сестру Екатерину. Как не выпытывал панов-переговорщиков о возрасте Екатерины, паны только разводили руками: «О возрасте невесты-королевны даже высокородные женихи не будут знать всё до конца».

Ещё одним «техническим» препятствием для заключения брака оказалось родство короля Сигизмунда и королевны с императорскими и королевскими домами Европы. Сукин напирал на то, что московский царь тоже не лыком, ведёт своё родство от Римских императоров через отца Василия III и деда Ивана Великого, а через мать княгиню Елену Глинскую со знатными родами великого княжества Литовского.

А в ответ паны-переговорщики от имени короля Сигизмунда Второго Августа: мол, отец короля и королевны Сигизмунд Первый, умирая, приказал всё семейство Императорам Священной Римской империи. Посему Сигизмунд Второй должен сослаться с нынешним императором Фердинандом Первым, королём Германии, а также с другими королями Европы, а также своими близкими родственниками, в первую очередь, с зятем герцогом Брауншвейгским и с племянником королевичем Венгерским. Услышал Сукин от панов, что король должен обсудить брачный вопрос с польским сеймом, радой по-московски. Сукин удивился: «А зачем усугублять брачное дело подключением лишних инстанций – сейма-рады?» А от панов услышал о пикантном положении короля Сигизмунда Второго: тот является последним королём польским и великим князем литовским, получившим корону через наследование, не будучи избран сеймом-радой.

«И что ваша рада может запретить брату-королю выдать замуж сестру-королевну за русского царя? – искренне ужаснулся Сукин. – Наша боярская дума сделает то, что её скажет царь». На что паны-переговорщики только посмеялись над московскими порядками, а потом уже серьёзно просветили посла царя пикантными обстоятельствами «приданого невесты»: поскольку королевна Екатерина родилась в Польше, то и приданое её хранится там, и распоряжаться им король без согласия сейма-рады не может.

Сукин почесал глубокомысленно затылок и грустно ответил панам-переговорщикам: «Мы видим из ваших слов нежелание вашего короля приступить к брачному делу, если он такое великое дело для наших государств откладывает в долгий ящик». Но у Сукина была последняя возможность сыграть на чувствах панов и он спросил: «И со страшенькой сестрой короля Анной будет та же долгая история?» Паны ответили: «Всё едино и долго, что с Екатериной, что с Анной, тем более у Анны старый конфликт с братом, Так что пусть русский царь остановит свой выбор на Екатерине и добивается своего, но это дело не простое...»

Сукин доложил всё, как есть, Колычеву и царю. Решено было послать новое посольство к брату-королю, поехали Кошкин и тот же Сукин. Так этим послам паны-переговорщики именем короля сказали, что брак с сестрой- королевной возможен тогда, когда этот брак доставит королю и Польше выгодный мир, а это так или иначе связано с уступками царя по Смоленску.

Московские послы поняли, что и здесь дело откладывается в долгий ящик. Но они имели приказ царя самолично рассмотреть невесту Катерину и передать свои впечатления царю

Ивану Васильевичу. Но и здесь паны-переговорщики были непреклонны: «И между незнатными людьми не ведётся, чтобы, не решивши дело, сестёр своих или дочерей давать смотреть кому-либо посторонним». Послы противились: «Мы не посторонние люди, а выполняем поручение жениха-царя, – не увидев королевны Екатерины и челом ей не ударивши, что, приехав в Москву, царю своему говорить? Кажется нам, что у короля вашего нет желания выдать свою сестру за нашего царя».

Паны московским послам терпеливо объяснили, что иноверцам, исповадавшим греческую веру, не положено видеть королевну латинской веры, поскольку у неё все придворные и слуги поляки-латиняне. И они о конфузе разглядывания иноверцами королевны всё рассказывают своим, и у польской рады с королём выйдет конфликт. Паны-переговорщики сжалились над сильно огорчёнными московскими послами, посоветовав тайно посмотреть на королевну Екатерина, когда та пойдёт на службу в костёл. Послам пришлось согласиться на такой способ дальнего пригляда за королевной по простой причине значимости русской поговорки – на безрыбье и рак рыба. Нечего было докладывать государю по приезде в Москву, ибо брат-король соглашался на брак с царём Иваном сестры Екатерины только в том случае, если это брак будет с выгодным перемирием для Сигизмунда.

Поскольку на этот раз перемирие при брачном договоре не было сопряжено с оговорками насчёт Смоленска и других городов, московские послы отъехали к себе с предложением Сигизмундом следующего выхода из брачного тупика. Прежде чем решать дело о сватовстве царя к королевне надо заключить короткое перемирие или даже длительный мир между двумя конфликтующими сторонами – Сигизмундом Вторым и Иваном Четвёртым – для переговоров об этом воеводы и послы должны съехаться на границе стран, а до этого съезда пословоевод не вести никаких боевых действий в Ливонии. Предполагалось, что московские послы передадут царю устное предложение короля, а письменную государственную грамоту от Сигизмунда-Августа привезёт знатный посол-вельможа с особыми королевскими полномочиями, князь Иван Шимкович, к тому женатый на дочери Ивана Михайловича Вишневецкого, Александре.

Сразу после отъезда московских послов, король собрал у себя в замке своих доверенных приближённых: князя Шимковича и главу иудейской партии в Литве Илью, осуществлявшего тайную челночную дипломатию между Вильной и Москвой с Бахчисараем. Илья был вхож как во дворец ханов Гиреев через их старого советника Моисея, так и в московские царские палаты Грозного, через родственные связи с Глинскими. Опытный дипломат Илья выполнял роль двойного или даже тройного агента, в услугах которого нуждалась Москва Грозного царя, Вильна короля Сигизмунда-Августа и Крымское ханство хана Девлет Гирея. Именно от Ильи и его ставленников Грозный знал и о возрасте королевен Анне и Екатерине, их физических и духовных качествах, о достоинствах и недостатках воспитания и образования. К тому же Илья напрямую контактировал с магистром Кетлером, выполняя поручения заинтересованных сторон, в первую очередь короля и хана.

Король Сигизмунд в красивом меховом кафтане и мягких кожаных сапогах предложил присесть его приближенным у камина, и тут же перешел к делу. Голосом, не терпящим возражения, обратился к Шимковичу:

– Ты, Иван, завтра или послезавтра едешь с моей верительной грамотой к царю. В грамоте будет написано то, что устно было сказано московским послам. Воеводы с двух сторон собираются на границе двух стан и договариваются о подтверждении перемирия и брака царя и королевны...

– Но ведь царь Иван никогда не пойдёт на пограничные переговоры, – жёстко усмехнулся черноглазый черноволосый Илья неопределённого возраста. – Это ловушка для царя, ибо нарушаются древнерусские традиции, великокняжеские прародительские обычаи вести

мирные переговоры с врагами в столице русского государства... И царь не поддастся на эту хитроумную королевскую уловку...

– Конечно не поддастся, – кивнул головой Сигизмунд, – но мы вынудим его посвятить в планы Вильны не только свою боярскую думу, но и многих князей и воевод...

– И что из этого, – мрачно спросил широкоплечий коренастый Шимкович с выразительными синими глазами, – где наш интерес? Где наша выгода, король?

– А выгода в том, что должны проснуться противники царя, князья и бояре, противники его действий на востоке и западе, ущемлённые в правах удельные князья и доморожденные феодалы. Ему ведь будут ставить в вину, что он сорвал дипломатические переговоры с мной, с Литвой, Польшей, Ливонией. Мы ведь всё равно начнём скоро военные действия против Москвы в Ливонии. Ударим по царю извне, а изнутри он получит русскую княжескую и боярскую измену как его династических противников, так и недовольных, ущемлённых царём бояр, воевод...

– Это уже по моей части... – прошипел Илья. – Есть такие силы в столице и во многих ущемлённых крупных городах, в том же Новгороде, Пскове, Твери, да и в Смоленске тоже...

– Ведь не только Москве привечать литовских князей, недовольных притеснением латинянами их греческой веры... – Сигизмунд привстал для сообщения главного пассажира. – Пора и Вильне встречать знаменитых русских изменников и предателей из царского стана, князей и бояр, греческой веры, что они именуют православной... Пусть изменники-беглецы приобщаются к латинской вере... Надо помочь Литве и Польше в разжигании заговоров против царя и измен изнутри Русского государства... Надо ломать хребет царю и его союзников изнутри... Когда война идёт на страну извне, легче огонь сопротивления тирану изнутри раздувать...

– У меня есть надёжные люди в Москве, недовольные правлением царя, – сказал с угрозой в голосе Шимкович. – Во время моего посольского визита я успею переговорить с глазу на глаз с противниками царя.

– А мне не надо давать никакие посольские поручения, – игриво хохотнул Илья, – я и так через доверенных людей во двор вхож, хоть в гости к самому Ивану Васильевичу... Он меня ценит как своего тайного агента в Вильне... Аж плачет, когда я ему о его матушке Елене Глинской напоминаю...

– Ничего не поделаешь, – заключил король, – дела марьяжные скоро уступят место делам ратным нового этапа Ливонской войны. И в это опасное тревожное время неплохо бы спровоцировать заговоры и измены изнутри Московского государства... И царя изолировать, отстранить от управления войсками, государством...

– Отстранить или устранить, – спросил Шимкович.

– Как угодно, – Сигизмунд, – русско-литовской войны не избежать. А раз так, отстраняйте, устраняйте русского царя-полководца...

– Если травить ядами, то у нас по этой линии старик Моисей Старый, его племянник Моисей Молодой и их доверенные люди поднаторели в отравлении князей и княгинь... Разумеется чужими корыстными руками, чтобы подозрение не пало на истинных исполнителей-грешников... – Илья вздохнул. – Надо снова какого-нибудь повара при царском дворе за мзду великую найти и задействовать напрямую по своему природному предназначению отравителем... С повара Поганки всё на Руси когда-то началось – и пошло-поехало...

– Помню-помню... Старый Моисей мне рассказывал... – улыбнулся король. – Ты, Илья с твоим Моисеем Старым были всегда великолепные памятливые рассказчики на исторические мистические темы... Есть чему у вас поучиться в искусстве плести политические государственные интриги с дьявольским напором...

– Завтра поеду в Москву, не послезавтра, – сказал Шимкович, – хоть на один день, да ускорю начало литовско-русской войны... Проявлю личный напор воеводы без всякой дьявольщины и мистики...

3

Внешние политические и внутренние интриги

После зимнего наступления 1559 года русские войска, разгромив 10-тысячную армию нового магистра Готхарда Кетлера, дойдя до Риги, в конце февраля вернулись на старые позиции с огромными трофеями и множеством пленных. Тогда же Иван Грозный предоставил Ливонской конфедерации – объединению ряда епископств Римской католической церкви и немецких рыцарей Ливонского ордена – перемирие с марта по сентябрь, не закрепив однако свой военный успех. В сложившейся ситуации магистр Кетлер, воспользовавшись данной ему передышкой, обратился за помощью к королю Сигизмунду-Августу, обеспечить защиту от Литвы и Польши Ливонии. Уже 31 августа 1559 года в Вильне был заключен «Виленский договор» между Кетлером и Сигизмундом о вступлении всей Ливонии под протекторат Польши. Согласно неожиданному для Москвы «Виленскому договору» король Сигизмунд был обязан защищать Ливонию от военных посягательств Московского государства. По этому договору магистр отдал королю под залог девять волостей Ливонии с дополнительным условием, что если Польша захочет эти волости выкупить когда-либо, то должна заплатить 700 тысяч польских гульденов.

Король Сигизмунд через своих послов велел довести до сведения царя Ивана, что отныне вся Ливония отдалась под польское и литовское покровительство, и чтобы московские войска не могли вступать в Ливонские земли под патронатом короля. Царь ответил королю:

«Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумал идти войною на Ливонскую землю, то я за неё не вступился и тем показал, что это не моя земля. Знай, что по всемогущего бога воле начиная от великого государя русского Рюрика до сих пор держим Русское государство и, как в зеркале смотря на поведение прародителей своих, л безделье писать и говорить не хотим. Шёл ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал: так зачем было тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял. Если какую им истому сделал, то сам знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали, и церкви наши русские разорили, то за эти неправды огонь, меч, расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся».

Король, найдя логическое противоречие в послании царя, отвечал:

«Ты называешь Ливонию своею, но как же при деде твоём была лютая война Москвы с ливонцами и прекращена перемирием? Какой государь со своими подданными перемирие заключает?»

Только желание доказать свои права на Ливонию словесными умозаключениями и политическими ухищрениями в дипломатической переписке первых лиц государств-соперников не могло привести к разрешению политического кризиса в отношениях Москвы и Польши. А тут, как всегда не вовремя для Москвы, умер старый король Швеции Густав Ваза, и до царя дошли первые опасные слухи, что жители Ревеля «во избежание невыносимого соседства агрессивной Москвы» готовы присягнуть новому шведскому королю, престолонаследнику Эрику. Ивану Грозному надо было сохранить как-то мир со Швецией, закрывая глаза на мрачные перспективы потери Ревеля, но широко открывая глаза на вопросы мира или войны с Сигизмундом-Августом в случае неудачного сватовства к его сестре.

Посол Сукин и глава Посольского приказа Колычев доложили царю, что переговоры с панамы зашли в тупик, нельзя решать брачное дело на границе стран. К тому же буквально через день прибыл посол Сигизмунда Иван Шимкович с верительной королевской грамотой относительно перемирия и просьбой личной встречи с царём.

– Чего ему надо, выяснили?

– Пан хочет по-особому изложить вопросы брачного дела и мягкого перемирия, без силовых действий противостоящих сторон.

– И как он это представляет, – повысил голос царь, – пусть лучше отменять патронат короля над Ливонией... И мы останемся на землях наших предков...

– Но союз Польши и Швеции очень опасен для нас, – осторожно донёс свои опасения Колычев. – Надо как-то разъединить Польшу и Швецию, пусть временно, но не допустить их союза на Ливонской земле.

– Сам ломаю голову над этим... У моего деда Ивана Великого всегда в кармане был крупный козырь, его союзник крымский хан Менгли-Гирей, который всегда держал Литву в страхе постоянного нападения по первому призыву Ивана Великого... А у нас сейчас другая ситуация, ждём сами постоянного нападения на нас крымчаков, потому и задабриваем ханов Гиреев богатыми подарками, почитай по-прежнему дань платим... Как раньше платили дань ханам Золотой орды... Хорошо, что деду удалось столкнуть лбами ханов Волжского и Крымского ханства...

– Ну, так будем принимать посла Шимкевича, государь?.. – спросил Колычев.

– Немного помуржим и примем, как не принять королевского любимца, посла-воеводу... Мне надо малость подумать относительно внутренних проблем... Есть доносы, что князья некоторые в Литву засобирались, узнав, что брачное дело у царя с королевной не выгорает... Хоть с боярской думой советуйся, куда, в какую сторону смотреть царю в поисках невесты, к кому свататься...

Шимкевич поклонился и передал верительную грамоту своего короля царю. Спокойным уверенным голосом пояснил:

– О сути предложения встречи на границе ты, государь, знаешь от донесений послов. Я Колычеву и Сукину разъяснил вопрос брачного дела с уступками по Смоленску, Новгороду и Пскову. Но, разумеется, не до конца, не до главной сути предложения польского короля русскому царю.

– Я понимаю так, что ты, воевода, хочешь мне передать нечто с глазу на глаз – не так ли? Насколько мне важно знать эту суть главную, может, без неё обойдёмся. Ты же воевода знаешь о моём скором отрицательном ответе на предложение решать брачное дело на границе.

Шимкович улыбнулся добродушно и решился на комплимент царю:

– Я и нашему королю много раз напоминал, что государь Иван Васильевич умен, просвещён и проницателен в необыкновенной степени. Разумеется, это было бы счастье для короля польского породниться с царём русским, через брак сестры Екатерины. Но я уполномочен волей посланного меня сюда короля обратиться не к сердцу царя-жениха, а к его тонкому проницательному уму, трудному для понимания королём... Но именно остроумная комбинация при заключении твоего брака, государь, с королевной должна произвести на твой большой ум впечатление от открывающихся политических государственных перспектив на многие десятилетия, если не на века... Чтобы быть откровенным перед тобой, я получил разрешение на подобное предложение тебе, государь, не только от короля Сигизмунда, но и согласование деталей от важной особы при дворе короля, причём этот человек является и моим, и твоим другом...

– Назови его имя, – встрепенулся государь, вскинув очи и вперив взгляд в переносицу посла-воеводы...

– Его имя содержит букву сущностного имени каждого человека, «я» стоит на последнем месте, что самое удивительное, а не на первом месте, как обычно в эгоистичном корыстном мире... Но этот человек служит династии Ягеллонов, у которых буква «Я» выпячивается на первое место... Ты должен знать, государь, через твоего союзника Дмитрия Вишневецкого, что я породнился с этим славным родом через свой брак... Имя Иеремия в этом роду поизносится не то, что с уважением, но и с придыханием... Видишь, государь, я тебе, как пароль, сообщил и первую букву имени нашего общего друга и союзника, вхожего во многие королевские дома Европы, да и в ханские покои тоже...

– Оставьте нас вдвоём с воеводой, – царь сделал указующий на дверь жест рукой, – но не уходите, дождитесь окончания нашего разговора, чтобы проводить посла... Ах, напomini своё настоящее имя, тебя наши послы именуют то Ян, то Иван, фамилию тоже коверкают, то Шимкович, то Шимков, то ты православной веры придерживаешься, то латинской...

Пока Сукин и Клычев покидали царские палаты, чтобы замереть за массивными дверями, дожидаясь конца аудиенции посла-воеводы, готовые откликнуться на любой царский сигнал, Шимкович спокойно и уверенно пояснил:

– Православный я, государь, но ничего против католической веры не имею, думаю, как быть дальше, хоть Бог один для всех католиков и православных – Христос... До родства с княжеским родом Вишневецких, был я из простого рода литовских православных воевод Шимковых, и звался я Иваном Шимковым, а после родства с подачи жены-княжны, будучи замеченным и приближенным к двору королевскому Сигизмунда-Августа, стал придворным Яном Шимковичем...

– Всё понятно с тобой, воевода Иван.

– Вот и король меня тоже зовёт Иваном, Яном кличет, когда я ему должен наложниц и молодых девиц подгонять...

– Однако ты, откровенен, Иван, это тебя так глава иудейской партии Илья настропалил на откровенность с государем русским...

– Да, богатеи-жид Илья, – усмехнулся Шимкович, – без его денег и подношений король обойтись не может, ведь с любовницами надо расплачиваться всегда дорогими подарками...

– Будя... – усмехаясь, примирительно буркнул царь. – Говори по делу и коротко...

– Так ведь коротко суть предложения Сигизмунда не выйдет, государь... Придётся изда-лека начать...

– Хорошо, начинай издалека, воевода Иван... Тёзки мы с тобой, это меня радует... И хорошо, что у нас есть общий богатый друг, жид Илья...

И Шимкович начал «издалека» о судьбе своего несчастного монарха, единого в двух ипо-стасях короля Польши и великого князя Литвы. В 1543 году в возрасте 23 лет он по любви женился на королевне Елизавете Австрийской, но та внезапно умерла через два года, не оставив Сигизмунду-Августу потомства. Шимкович без обиняков сообщил, что среди шляхты ходили слухи об обоснованных подозрениях, что Елизавета была отравлена свекровью, матерью Сигизмунда-Августа, Боней, которая чересчур ревностно относилась к опасному дурному влиянию невестки на сына. Наперекор своей матери Сигизмунд-Август тайно женился на красивой княжне-вдове Барбаре Гаштольд из знаменитого литовского рода Радзивиллов. Но королева Бона почему-то возненавидела свою вторую невестку не меньше, чем первую, окончательно рассорилась с непутёвым сыном и вернулась к себе на родину в Италию, забрав с собой все драгоценности и деньги, «наказав» таким образом сына.

Когда в конце 1550 году Сигизмунду-Августу удалось устроить публичную коронацию Барбары, то это вызвало негодование и польских сенаторов и Боны в Италии. Однако несчастной Барбаре не удалось долго радоваться своему королевскому положению. Придворные считали, что Барбара была отравлена на пиру тайным агентом Боны, которая умерла в начале мая 1551 года. Но до смерти отравленной матери Боны в 1557 году Сигизмунд успел жениться в

третий раз на сестре своей первой жене, на Екатерине Австрийской. Но королевская чета и в этом браке оставалась бездетной, потому последовал развод короля, ударившегося в жуткое распутство, окончательно подорвавшее здоровье вдовца, не способного больше зачать престолонаследника или даже произвести потомство от многочисленных любовных связей.

В связи с последним бездетным королем из династии Ягеллонов польские и литовские князья и воеводы были серьёзно обеспокоены крушением союза между Польшей и Литвой после смерти короля с подорванным похотью здоровьем. Причём при дворе, начиная со смерти Барбары, шептались, что Август и Барбара подцепили «французскую болезнь» или сифилис, отсюда и невозможность короля произвести здоровое потомство. Необходимость скорейшего более прочного союза Польши и Литвы с осуществлением идеи общей для стран Речи Посполитой понимала и польская шляхта и литовские князья и вельможи, желающие в то же время сохранить автономию Великого Литовского Княжества. Это было возможно только в том случае, если принять сеймами Польши и Литвы нового закона о престолонаследии, согласно которому каждый новый король должен избираться объединённым сеймом Польши и Литвы.

Шимкович сделал многозначительную паузу и внимательно разглядывал лицо царя, когда сообщил ему дополнительный пункт «брачного предложения» короля: раз всё равно новый король Речи Посполитой будет избираться, то лучшей кандидатуры в ближайшей перспективе, чем царь Иван Васильевич, не найти шляхте. Нельзя, чтобы трон занял какой-нибудь безродный шляхтич, а с родословной царя Московского надо будет считаться, по матери Елене Глинской царь – литвин из знатного литовского княжеского рода. К тому же из-за родства Глинских с ханским родом Мамай легко будет улаживать королю с Крымским ханом Девлет-Гиреем. Учитывая родство царя Ивана по бабке Софии Палеолог с Византией и даже с Римом, легко получить королевские преференции от нынешнего турецкого султана и правителей Священной Римской империи.

– Московские цари Рюриковичи ведут свой род от Рюрика... Москва – это Третий Рим... Во мне течёт кровь римских императоров Пруса, Октавиана Августа, других...

– На польских и литовских вельмож это не произведёт должного впечатления, государь, на которое ты рассчитываешь...

– Почему?

– Спроси, государь, на этот счёт жида Илью, он объяснит тебе, что царём Третьего Рима называться почётно, а быть в родстве с Прусом, как бы это помягче сказать, не очень, чтобы очень...

– Что король предлагает для успешного разрешения брачного дела с его сестрой-королевой?..

– Тебе надо на словах, а не на деле, признать претензии короля, точнее нынешних Польши и Литвы и будущей Речи Посполитой на Смоленск, Новгород, Псков...

– Ещё чего...

– Но ведь князь Витовт уже владел Смоленском...

– Вот именно, владел... А мой отец отбил у Литвы его, сделал форпостом на западных рубежах Москвы...

– Государь, но ведь ты, беря в жёны королевну, тем самым подтверждаешь претензии на трон Речи Посполитой, всё будет твоё и Литва, и Ливония, и Смоленск... И твоё стремление выйти к морю, совпадает со стремлением Польши и Литвы распространить своё влияние от моря до моря, как говорит шляхта, «от можа до можа». И Девлет-Гирея прижмём, и султана уломаем... Соглашайся, государь, вот оно решение брачного дела... В ближайшей перспективе всё твоё: и Литва, и Ливония, и русские земли, которыми будет править твой престолонаследник от царицы Анастасии, Иван Иванович...

– А вера?..

– В твоём новом царстве, в объединении Речи Посполитой и Руси Московской, с твоей лёгкой руки уживутся латинская с православной верой... В Литве-то всё как-то уживалось раньше...

– То-то беглые литовские князья и дворяне метнулись в сторону Москвы при притеснении их с верой отцов и дедов.... Нет, Шимкевич, трудно сопрячь две противоборствующие веры...

– А ты, государь, попробуй... И не ломай через колено свою возможную невесту-королевну Екатерину... Пусть она потом, не сразу переходит в православие из католичества... – Видя перед собой серьёзное печальное лицо царя, Шимкович решился выложить главный козырь. – Я хочу, чтобы из нашей доверительной беседы, ты, государь, постарался извлечь пользу для своего царства через своё сватовство к королевне, но и был предупреждён... В случае разрыва «брачного предложения» тебе придётся принять как данность отъезд многих княжеских семейств из рода Гедиминовичей под крыло короля Сиизмунда и будущей Речи Посполитой в ближайшей перспективе... Внутренние интриги у тебя, государь, разгораются с невиданной силой, а ты закрываешь на это глаза, стараясь не видеть последствий приближения к себе боярской партии Захарьиных, введения их в опекунский совет для охраны престолонаследника, царевича Иван, и задвижки, отстранения от власти некогда влиятельных в государстве Гедиминовичей...

Шимкович уловил неторопливое движение рукой, мол, продолжай, «с этого места поподробнее» и начал говорить в уши царя то, что обсуждал перед отъездом в Москву с жидом Ильёй, после контактов в Москве с пролитовской партией Гедиминовичей, с недовольными князьями и боярами, отодвинутых родичами царицы Анастасии, шустрými и нахальными Захарьиными. Возглавив совет опекунов над первенцем царя и царицы Иваном Ивановичем, партии Захарьиных удалось рассадить своих близких и подчинённых людей в бюрократическом государственном аппарате – в казенном приказе, главном финансовом ведомстве – в других приказах московских. Резкое усиление власти приказной бюрократии вызвало необычайное озлобление титулованной знати, в первую очередь, Гедиминовичей, да и отстраненных от государственной кормушки старомосковских боярских партий Рюриковичей. И многим Гедиминовичам Шимкевич уже передал устное предложение переезжать или бежать в Литву:

– Многие Гедиминовичи ждут письменного обращения короля – добро на измену царю Рюриковичу, как, впрочем, и многие Рюриковичи... – Шимкевич усмехнулся. – Решай вопрос, государь, с браком на королевне, и никто из этих вельмож не побежит к королю. Наоборот, будут ждать твоего восшествия на трон Речи Посполитой... Вижу, что ты, государь, хочешь знать имена тех, кто хочет быстро переметнуться под руку короля...

– Хочу, Иван, буду или нет королём, Речи Посполитой, это дело моей совести и чести, а вот за то, что ты предупредил меня о внутренних интригах, тебя благодарю... Но тебе придётся привести пример, хоть один...

– Я знаю, что ты, государь, не терял времени даром, отправил своих послов в Швецию за шведской принцессой-невестой, в Кабардинские земли за черкесской царевной. Смотреть дочерей шведского короля был послан дьяк Федор Беклемишев с подьячим. Видишь, я всё знаю. Послы вернутся скоро и сообщат об отказе шведского короля породниться с русским царём. Так все Сигизмунд устроил, ибо он хочет тебя, именно, тебя, государь, видеть первым избранным королём на троне Речи Посполитой в течение пяти, максимум, десяти лет. Но помни, государь, о своей уникальной возможности стать королём-царём огромной Речи Посполитой и Руси «от можа до можа», прежде чем отказываться от брака с королевной Екатериной, любимой сестрой бездетного несчастного короля Сигизмунда-Августа.... Ты же видишь, государь, нет нужды мне, опытному воеводе, породнившемуся со знаменитым литовским родом Вишневецких, тебя обманывать, хитрить... Сам бы хотел встать под твою королевскую, нет, уже императорскую руку, твоим верным приближенным... Ты хотел услышать одно имя бег-

леца из твоего царства?.. Вот это имя – знаменитый полководец Дмитрий Вишневецкий, предлагавший тебе, государь, всю южную Малороссию...

Грозный кивнул головой и, закрыв глаза, произнёс не своим голосом, глотая слёзный комок:

– Зря я его не послушался тогда... Надо было присоединять его южные земли вовремя по его почину... Знай, Иван, если он собирается отъехать от меня, я его не трону, не накажу... Я сильных и честных воевод, не интриганов уважаю, но быстро забываю беглецов от царя – за их ненужность в построении могучего Русского государства... Я решу скоро, кому быть моей невестой... Королевна?.. Или царевна Черкесская?.. Как говорил слепой, завтра посмотрим... Скажи Илье, чтобы тот наведлся к хану Девлет-Гирею, а потом сразу ко мне для дружеской беседы, заинтриговал ты меня царя Рюриковича послом, мол, не надо гордиться родством от Пруса – от него четырнадцатого колена до великого князя Рюрика ... Королю об этом знать не обязательно о моём желании видеть жида Илью, да и о коленах от Пруса до Рюрика...

4

До второй женитьбы царя

После присоединения к Москве Астраханского ханства, Русское государство вновь вплотную приблизилось к землям Северного Кавказа, бывших в подчинении или под протекторатом древнерусских князей Святослава Игоревича, Владимира Святославовича, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Нарушенные за три с лишним столетия связи с народами Северного Кавказа при царе Иване Грозном стали восстанавливаться. В 1556 году делегация из Кабарды прибыла ко двору московского царя Ивана с богатыми дарами и с целым табуном породистых кабардинских скакунов. Кабардинские вельможи от имени властителя Кабарды Темрюка Айдаровича просили царя принять их народ в русское подданство. Кабардинцы устали от набегов татар крымского хана Девлет-Гирея на границе и всем народом решили, что под защитой могучей Москвы и царя Ивана Грозного им будет жить спокойнее. Царь дал тогда войско для защиты от крымчаков и отправил знатных вельмож восвояси с присказкой, когда вы понадобится, мы к вам обратимся.

В 1560 году после гибели царицы Анастасии среди членов боярской оказались ярые сторонники союза и дружбы с великим народом отменных воинов, и они в свою очередь тоже обратились к царю с нижайшей просьбой закрепить союз с кабардинским народом царской женитьбой на одной из знатных кабардинок. В том же году царь послал сватов-дьяков Вокшерина и Мякинина в Северный Кавказ «у черкасских князей дочерей смотрети». Красивая, статная невеста для царя нашлась среди дочерей верховного князя Кабарды Темрюка, правнука князя Инала, который по родовому преданию до владения Кабардой некоторое время был мамелюкским султаном Сирии и Египта. Жители Кабарды в Москве и во всей Руси именовались черкесами. Дочь-княжну Темрюка звали Кученей, и строгий отец передал московским послам, что отпустит любимую дочь к царю лишь после того, как тот лично письменно подтвердит, что готов жениться и примет у себя в московских хоромах Кученей и её брата Салтанкула.

Готовящимся к встрече невесты, крещению её и организации свадьбы царя застал посланник Илья, приехавший в Москву с небольшой свитой прямо из Бахчисарая. Царь принял Илью без всяких проволок.

– Удалось договориться с ханом не терзать наши земли набегам крымчаков, особенно, тогда, когда мы находимся в преддверие военных действий с войсками Сигизмунда и Кетлера?

– Удалось. – коротко ответил Илья и удивил царя такой предельной лаконичностью без желания посвящать в подробности важного дела.

– Ты уже знаешь, наверное, о моём решении не свататься к королевне Екатерине. Или нет?

– Наслышан, государь, земля наша слухами полнится. Дошли до меня, а ещё раньше до хана Девлет-Гиея сведения о твоём решении искать царицу в Кабарде. Хана это ужасно расстроила весть о союзе русского царя с его старым противником Темрюком. Он ошетинился, мол, коварству царю не занимать. Только дорогими подарками его умаслил, добавив, что меня царь надоумил такие драгоценности хану доставить...

– Значит, в спину не ударит хан?

– Какое-то время не ударит... Будет смотреть, как у тебя, государь, пойдут военные дела в Ливонии с войсками Кетлера и Сигизмунда... Но хан напуган тем, как русский государь возвышает царскую власть, уподобляясь византийским императорам... Ему ещё его покойный советник Моисей Старый нашептал, что брак твоей бабки и деда, Софьи Палеолог и Ивана Великого, несёт большую угрозу султану турецкому в перспективе... Хан ведь вассал султана, хоть и пытается проводить независимую от Турции политику... Вот Моисей старый...

– Моисей умер? Он, по рассказам моей матери казался Кошеем бессмертным...

– Сейчас у хана новый советник, племянник Моисея Старого, Моисей Молодой из той же литовско-польской иудейской партии... Так вот Моисей Молодой внушил также нынешнему хану Девлет-Гирею, что через родство Софьи Палеолог с византийскими императорами, и через родство Елены Глинской с ханом Мамаем московский царь Иван Васильевич может ослабить вассальную зависимость хана Девлет-Гирея от султана при попытке создания нового союза царь-хан по примеру союза Ивана Великого и Менгли-Гирея...

– Что для этого надо, Илья?

– Подарки богатые и ещё раз подношения хану... – Илья усмехнулся. – Вкупе с военными успехами царя в Ливонской войне, плавно перетекшей в кровопролитную русско-литовскую войну... Может, зря ты, государь, отказался от трона императора Речи Посполитой...

– Не зря... – царь тяжело вздохнул. – Противоречия исповедания серьёзные и неистребимые пока или навечно... С жидами легче договориться, чем с поляками-латинянами...

– Я так понимаю, что государь готов поставить вопрос о Москве – Втором Израиле, с приоритетом, а потом уже достраивать Москву – Третий Рим?..

– А четвёртому не бывать... – царь задумался. – Слушай, Илья, воевода Шимкович, по его словам, не хотел меня обидеть меня, московского царя Рюриковича, через связь Пруса и Рюрика четырнадцатью коленами... Не мог я отгадать загадки и сути противоречия... Посвети государя, если сможешь...

– А чего не просветить, если учение – свет, а не учение – тьма... Внимай просвещённому иудею Илье... Только без обиды, в знак нашей долгой дружбы и моей верности тебе, государь... Это с твоего отца, Василия Ивановича, с подачи просвещённого отца Филофея и мудрствующих православных митрополитов пошло: мол, прародитель Рюриковичей Рюрик ведёт своё происхождение от Августа кесаря. Вот и пошло, и царь московский и его князья да бояре вывели любопытную, отчасти остроумную, но парадоксальную генеалогию государей московских. Слушай, государь, и не обижайся исторической правде, – ведь на правду глупо обижаться, не так ли? Даже когда правда глаза может уколоть и сердце ранить?..

– Согласен, Илья, на правду не обижаются.

– Так вот переходим к деталям правды, ведь дьявол всегда в деталях, не поверхностных, а глубинных... Август кесарь, обладавший всем миром в древности, поставил своего родного брата Пруса на берегах Вислы по реку Неман. А от Пруса четырнадцатое колено до великого древнерусского государя Рюрика. Складно? Вроде складно... Только из римской истории следует любопытный исторический парадокс: ведь и император Октавиан Август, и император Юлий Цезарь вели свой род по официальным римским языческим богам и богинь в корне, а дальше цепочка Первый Рим, Второй Рим – Византия, Третий Рим – Москва... Четвёртому Риму не бывать... Приехали, Рюриковичи, праправнуки Венеры-Афродиты, богини любви и похоти... Венерины дети...

Царь вздрогнул и не нашёл ничего лучшего, как спросить главу литовско-польской иудейской партии:

– Правда, что Сигизмунд-Август из-за венерического заболевания, из-за «французской болезни», сифилиса бездетен?..

– Говорят при дворе злые языки, – усмехнулся Илья, – а добрые языки помалкивают в тряпочку, чтобы язык не отрубили... Похотлив король, не кандидат на трон Речи Посполитой из-за бездетности...

– Все короли, цари, императоры похотливы, – побурчал себе под нос Иван Васильевич, – работа такая опасная и напряжённая... легко венерическую болезнь неверным мужьям-государям подцепить... потому и жёны им молодые и верные нужны, чтобы проворней справляться с подданными и всеми делами государства...

Хотел царь рассказать Илье о своём покровителе в духовных и государственных делах, деревянном образе Николы Можайском с языческими корнями в святительских одеждах святого Николая Мирликийского, держащем в руках охраняемый град, и меч, который необходим для охраны града, но надолго замолчал, подумав про себя: «Не в коня иудейского духоводъёмный русский православный корм с языческой первоосновой, богиня похоти Венера ему ближе».

Но Илья прервал высокие думы царя, немного скривив губы в лёгкой усмешке, заметил как бы между прочим:

– У людской молвы, слухов придворных – глаза слепого крота, уши дикого ослёнка, зато и язык ядовитой змеи... Вот и до Литвы и Польши на радость развратного короля долетели слухи и молва с языком змеи ядовитой... Мол, не успели тело царицы Анастасии предать земле, как похотливый царь предался самым низменным страстям, погрузился в самый грязный разгул с развращением юных невинных дел, вдовами не брезгуя... Стал прелюбодействовать зело... Ты же, государь, дал мне высокое царево задание – быть ушами при дворе короля, собирать все слухи о тебе... Между прочим, эти слухи и ядовитая змеиная молва пришлась по сердцу похотливого короля...

– ...Даже так? – удивился царь, прервав Илью. – Отчего же?.. Чем я порадовал короля.

Илья со строгим непроницаемым лицом произнес с металлическими нотками:

– Сигизмунд мстительно возрадовался тому, что царь, сменивши свой «многомудрый ум» на «нрав ярый и похотливый» быстрее подорвёт своё здоровье, сердце своё разорвёт или подцепит «французскую болезнь».

– Наши невинные девки, которых я портил, не больны сифилисом! – Царь отреагировал мгновенно и гневно. – не то что наложницы короля...

– Пусть так, государь... Но я должен сказать тебе и о мнении, которое сложилось при королевском дворе, мол, податливость царя нежным чарам царицы Анастасии, любимицы народа, объясняется склонностью царя к шутовскому актёрству и вопиющему лицемерию... Анастасия чаяла видеть царя богобоязненным и смиренным, не способным изменять супруге, ещё бы, она чуть ли не каждый год тебе рожала детей... А тебе, государь, нравилось, разыгрывать перед супругом и всем двором, народом русским роль царя-супруга в этом благородном образе... «Маска благородства царю идёт, а маска похотливого сатира отвращает» – так о тебе сказал король, передаю слово в слово. А ещё, бездетный король Сигизмунд безмерно завидовал царю и царице, когда рождались в Москве подряд шесть царевичей и царевен... И я буду справедливым к королю, он по-своему скорбел горю царя, когда погиб царевич Дмитрий, а потом умерли две маленькие княжны... Хотя как-то страшно обмолвился: «Их всех не перетравишь», словно знал, что царевен и царицу будут травить, а он, как Пилат, зная обо всём, только умоет руки...

– Вот как?..

– Ещё до начала брачного дела с его сестрой-королевной, король, видя некоторое родство душ с царём, по-своему рад был твоему лицедейскому перевоплощению, когда после смерти царицы, царь-вдовец дал волю своим похотливым наклонностям, сбросив благородную личину, обнаружив похотливое истинное лица законченного мерзавца...

– Ну, это уж слишком даже для верного агента-жида...

– Так ты же хотел всё знать о короле. Не гневайся, в правде вся сила и мощь быстро летящего вечного времени. Кто тебе, государь, такое расскажет, государь о том?.. О чём ни одна живая душа в подлунном мире, в твоей Москве не узнает... Хорошо ещё то, что я королю не рассказал о твоём историческом родстве, сочинённым попами, о родстве Руся с Рюриком, а на самом деле, все корни в богине похоти Венере-Афродите... Ведь король и его архиепископы наслышаны о похотливой метаморфозе с царем московским, после кончины царицы... Вследствие чего митрополит Макарий с духовенством обратились к царю с духовным ходатайством,

чтобы царь быстрее женился хоть на ком-то, чтобы «себе бы нужи не наводил». Не удалось тебе, государь, примерить лавры императора Речи Посполитой через брак с королевной Екатериной, так будь счастлив в браке с Кученей, что при переводе с кабардинского языка на русский означает «глаза княжны».

– Глаза?

– Именем «Гуэщинэ» или Кученей горцы подчёркивают необычайно красивые глаза своих девушек, которые потрясают воображение их возлюбленных и мужей верных...

– Хоть этим порадовал, Илья...

– Жди от меня подарка на свадьбу...

– Лучше дай денег или злата на мой царский подарок княжне, чтобы привязать её земли и народ к Москве, получить сильных союзников и верных воинов в моё московское войско, чтобы осадить хана Крымского Девлет-Гирея надолго, обезопасить Москву и русские земли от его набегов...

– Хану я уже дал большие подарки от тебя, пришлю и тебе денег на твою свадьбу государь, для подарков княжне с красивыми пронизательными глазами, да и своим личным подарком не позабуду... Не поминай лихом Илью, как ты выражаешься жида-агента... Жид утрётся и дальше будет работать на пользу своего библейского народа... Прими моё искреннее уважение к тебе, царь Иван Васильевич и поздравления с грядущей свадьбой...

5

Свадьба царя и перемены

До своей женитьбы царь Иван повелел через своих послов сделать портрет юной 15-летней Кученей Темрюковны, «парсуну», и доставить «парсуну» в Москву перед царские светлые очи. Ещё до своей женитьбы, рассматривая портрет кабардинской красавицы, царь понял, что Кученей ему очень нравится, в её образ на холсте нельзя было не влюбиться. Она была невероятно хороша тем необыкновенно изящным типом восточной красоты, который нравится понимающим толк в девичьей, женской красоте 30-летним женихам-мужчинам. К таким ценителям красоты, исходящей от юной княжны относился и царь жених, сразу же отметивший про себя: «Не обманул меня верный Илья насчёт пленяющих глаз юной красавицы»,

Действительно царь подолгу любовался образом Кученей на «парсуне»: под черными изогнутыми бровями сияли огромные выразительные чёрные антрацитовые глаза с невероятно длинными изогнутыми, ресницами, на щеках играл живой привлекательный румянец, губы призывно атели, точно спелые вишни, для их поедания поцелуями. Царь знал, что 15-летняя юница совсем молода по возрасту, ей ещё не скоро исполнится шестнадцать лет, к тому же на портрете она была изображена застенчивой скромницей, но с призывом, вызовом женственности, плотской притягательности.

С политической точки зрения был идеальным, кандидатура невесты Кученей не вызвала у царя никаких претензий и сомнения. Царь уже был наслышан от близких бояр о военных подвигах её соплеменников, особенно, о её брате Салтанкуле, после крещения Михаила Темрюковича Черкасского, объявившегося в Москве за два года до сватовства царя к его сестре. О подвигах князя Михаила царю докладывал его любимец князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, мол, тот со своими горцами «истребил целый конный отряд неприятеля. От послов царь был наслышан об удивительной охотнице-юнице, ловко и бесстрашно убивающей диких зверей и безобидных животных на охоте, добывающей раненых птиц, любящей ездить с братьями и отцом не только на охоту, но в военные походы соплеменников. Поему-то это не страшило, а наоборот, поражало такого же опытного охотника-воина Ивана Грозного. Что подделаешь так ей воспитали в семье воинов, Кученей была горянкой по рождению и с детства была обязана лихо скакать на коне и отлично, без страха и упрёка, владеть оружием. Единственно, что насторожило царя, так это странное замечание послов, вроде бы шутивное. Выдавая крутую норомов дочь замуж, посылая «парсуну» царю отец красавицы-кабардинки, хорошо знакомый с детства с ее воинственным жестоким нравом, простодушно и с потаённым тёмным смыслом пошутил: «Глядите, чтобы она царю случаем шею не свернула!»

Уже летом 15 июня 1561 юница-княжна Кученей «из черкас пятигорских девица» вместе со своим братом Михаилом-Салтанкулом прибыла в Москву. Им по распоряжению царя были отведены роскошные хоромы рядом с Кремлём. В летописи и «Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» сказано: что вскоре царь «княжне Черкасской быть на своём дворе, смотрел её и полюбил» с любопытным дополнением повествования «Повести»:

«Господине Теврюге! Аще сицевая доброта дщери твоя, а нашия великия государыни Марии Теврюговны, то государю нашему и великому князю Ивану Васильевичу будет, а нас он, государь, за сие великое дело жаловать станет, а сия дщерь твоя с ним, государем, царствовать в великой славе станет».

Когда Иван Васильевич впервые вживе, а не на «парсуне» увидел юницу-невесту, то на какое-то время потерял дар речи, настолько красота статной рослой Кученей затмевала всё вокруг. Назначенные заранее регенты-бояре Захарьины из опекунского совета воочию увидели остолбеневшего царя, когда красота черноглазой черноволосой кабардинки вскружила

царю голова, ввела его в ступор. Царь-жених остолбеневший не мог ни слова произнести, молчала и разбурявшаяся стыдливым румянцем невинная и очаровательная невеста – по уважительной причине, она совсем не говорила на русском языке. К тому же Кученей не была крещена. Но красавица совсем не противилась обряду крещения. Об этом необходимом для брака обряде сестру заранее предупредил старший брат, уже крещеный с именем Михаил.

В Благовещенском соборе 6 июля духовенству и боярам было торжественно объявлено, что Кученей готовится к крещению. Обряд православного крещения княжна Кученей 20 июля 1561 года, а крестил её сам митрополит Московский и всея Руси Макарий. Юнице-невесте дали при крещении имя Мария, в честь «святой грешницы» Марии Магдалины, день празднования которой по старославянскому церковному календарю должен был отмечаться на следующий день. Русская история не оставила имён крёстных Марии: кто стал её крёстным отцом и матерью, неизвестно до сих пор. Хотя сочетание имён «святой грешницы» с именами крёстных многое могло бы рассказать сегодняшним ясновидцам и мистикам о судьбе невесты, брака, да и судьбе самого жениха-царя тоже...

В тот же день 20 июня царь Иван назвал Марию своей невестой и по древнерусскому обычаю преподнёс своей суженой Марии кольцо и драгоценный платок, унизанный жемчугом. По завершению знакового обряда крещения Иван Васильевич ритуально вручил невесте золотой крест-складень, а малолетние царевичи Иван и Фёдор преподнесли ей кресты, украшенные бриллиантами и жемчугами, среди которых был знаменитый чёрный бриллиант «Ясманд» с мистической исторической судьбой.

Царское венчание-бракосочетание состоялось в Успенском соборе Кремля. В этот знаменательный день 21 августа 1561 года в Москве с утра раздался мощный перезвон пяти тысяч колоколов московских церквей и монастырей, такой редкостно-оглушительный, что люди на расстоянии вытянутой руки в разговоре не могли слышать друг друга. Венчал молодых митрополит Макарий. Свадебным подарком новой московской царице Марии Темрюковне было уникальное золотое блюдо – весом в 3 килограмма и диаметром 42,3 сантиметра – декорированное чернью. На этом драгоценном блюде среди художественного орнамента было расположено шесть клейм с надписью: «Божиею милостию благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича государя всея Руси зделано благоверной царице великой княгини Марии в лето 7000 шестьдесят девятого».

В хрониках того времени, перекачивавших в воспоминания современников и более поздних историков говорилось, что когда юница-царица вышла из Успенского собора, то она и тоном своим, и высокомерными манерами дала всем понять, что теперь она настоящая московская царица, «и никто, кроме её мужа, не смеет становиться на одну ступеньку с нею».

А в другой исторической реплике, основанной на данных московских хронистов-современников можно почитать: ««Царскую свадьбу сыграли с невероятным размахом с диковинной пышностью. Денно и ночью царь канителил молодую, горячую жену. А едва восставши с ложа, сыпал новыми и новыми указами, направленными против старинных княжеских и боярских родов. К примеру, ограничены были права князей на родовые вотчины: если какой-то князь помирал, не оставив детей мужского пола, вотчины его отходили к государю. Желаете завещать брату или племяннику, спроси позволения государя, – а даст ли он сие позволение? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сразу угадать: нипочём не даст! И не давал».

По случаю вступления во второй официальный брак царь составил новое завещание, где кроме порядка престолонаследия определялись имущественное положение царицы и возможных детей царя Ивана и царицы Марии. В состав опекунского совета кроме главных старших членов Даниила Романовича Захарьина, Василия Михайловича Захарьина, Ивана Петровича Захарьина и Фёдора Ивановича Колычева вошли новые младшие члены – князь Телятевский и кравчий князь Горенский-Оболенский – занимавшие в совете подчинённое положение.

Все регенты целовали крест на верность царевичам Ивану и Фёдору и царице Марии. Они клялись на кресте не искать себе нового государя «мимо престолонаследника» и управлять Московским государством по царскому завещанию Ивана Грозного, следуя тому, «что есми государь наш царь написал в своей духовной». А в каноническом тексте присяги говорилось: «А правити нам сыну твоему государю своему царевичу Ивану по твоей духовной грамоте.

Но многие бояре противились переменам в Москве в связи с новым вторым браком царя. И причиной были тут не душевные качества и прихоти царицы, о которых московские вельможи не знали и даже не догадывались. Многие пугались восточного деспотического начала, которое шло новым ордынским игом бывших мусульман – Марии, ее братьев, племянников и дальних родственников. Самые отчаянные и развязные бояре кричал: «Опять Орда на Москву, на нас грядёт» и театрально хватались за сабли и кинжалы, чтобы прилюдно на глазах сочувствующих убить себя, перерезать горло, чтобы избежать «великого московского позора».

Пока князья и бояре шептались о диком нраве князя Темрюка и его сына Михаила Темрюковича, хитрые и опытные члены боярской партии Захарьиных искал повод, как породнить своих родичей с близкими и даже дальними родственниками царицы. Наиболее знакомым союзом стал брак Бориса Камбулатовича Черкасского с Марфой Никитичной Романовой, дочери боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, родной сестре приснопамятного Фёдора Никитича Романова (будущего патриарха Филарета, отца царя Михаила из царской династии Романовых).

Ситуация на престоле в Москве после воцарения Марии стала аховой, потому что, в случае смерти Грозного царя, вся власть в стране переходила в руки ведущих бояр партии Захарьиных. Заранее царём с боярами Захарьиными было оговорено, что в случае скоропалительного похода царя с войском на русско-литовскую войну, 8-летний царевич Иван остаётся в Кремле «ведать Москву». А реально управлять хозяйством и всей страной надобно было боярам Даниле Романовичу, Никите Романовичу и Василию Михайловичу, Василию Петровичу Захарьиным вместе с князем Сицким (мужем Анны Романовны Захарьиной).

Надо отдать должное партии Захарьиных, будущих Романовых: они не стали кичиться доставшейся им власти благодаря родству с царицей Анастасией, не стали нагло и бесцеремонно местничать с князьями Рюриковичами, а начали проводить разумную дальновидную политику глубокой перспективы, целью которой могла стать неограниченная власть в Москве партии Захарьиных-Романовых после смерти Ивана Грозного. Со сложностями престолонаследия, запутанного претенденства на трон. Тем временем Сигизмунд-Август, видя, что Ливония как никогда слаба, решил по союзному соглашению подчинить её себе уже в конце 1561 года. А в мае-июле 1561 года жители Ревеля полностью отдали себя на милость королю Швеции Эрику XIV из династии Ваза. Потом, согласно договору от 21 ноября 1561 года, подписанному в Вильно ливонским магистром Тевтонского ордена Готхардом Кетлером и королем Сигизмундом, Ливонский орден был ликвидирован, а Ливония стала польским вассальным государством. После этого король Сигизмунд-Август поспешил заключить со Швецией выгодный Польше и Литве матримониальный союз: его младшая сестра Екатерина Ягеллонка была отдана в жены сводному брату Эрика XIV Юхану, герцогу Финляндскому, позднее ставшему шведским королем под именем Юхана III.

Первым высокопоставленным «отъехавшим беглецом» из Москвы от государя Иван Грозного в преддверии русско-литовской войне стал князь Дмитрий Вишневецкий. В том же 1561 году князь Вишневецкий письменно попросил короля Сигизмунда-Августа взять к себе в Литву. Уже в начале развернувшейся войны князь Дмитрий с большим отрядом приближенных вернулся к себе, трогать его было не велено. Его царь не собирался уничтожить за прошлые заслуги, но в злой словесной мести себе не отказал. Царь не представлял до конца, чем обернутся его отчаянные попытки дискредитировать всех московских беглецов. Многие князья и бояре были потрясены наказом царя отправленному в Литву послу Андрею Клобукову:

«Если спросят о Вишневецком, то отвечать: притёк он к государю нашему, как собака, и потёк от государя, как собака же, а государю нашему и земле убытка никакого не учинил».

6

Иван да Марья в царской опочивальне

Иван Васильевич как с цепи сорвался в любовных ласках с юницей-красавицей Марией, наслаждаясь её девичеством и неопытностью в плотских схватках. Как когда-то царь потерял дар речи от красоты лица и чёрных глаз кабардинки-невесты, так буквально сошел с катушек от её юного женственного тела. Упругой плотской оболочки души, девической призывной плоти во всей её привлекательности и магнетизма греховности только от осознания того, что только муж видит и ласкает тело жены, которое никогда не увидит чужой похотливый взгляд и не дотронется рука непосвященного в любовные игрища. Конечно, юницу напугал напор и неутомимость мужа в бесконечных супружеских схватках, где победы случаются только тогда, когда оба рыцаря мужского и женского пола одновременно познают чудовищное наслаждение плоти, когда душа будет парить в чуде «маленькой смерти», от которой на белом свете по божьей воле или без высшей воли рождаются младенцы.

Но ведь и государь понравился, полюбился с первого взгляда черноглазой кабардинке с выразительными глазами и удивительным именем в переводе на русский язык – красивые очи княжны! – как не полюбить такого, не отдаться навек... Ведь хорош собой был внешне московский государь: высокий, стройный, пластичный в движениях с широкой грудью, да и лицо его было благородно и красиво по-своему: с пронзительными иссиня голубыми глазами, с рыжеватой бородой и породистом большим тонким крючковатым носом. Сочетание красивых пронизательных, всё видящих глаз с породистым большим тонким носом, не портило облик 30-летнего государя, наоборот, придавало лицу черты воина-победителя не только в битвах с врагом на поле боя, но и в любовных постельных схватках с неопытными девами и умудрёнными в плотском деле женщинами. Как устоять перед таким мужчиной, обладавшим не только сильной мужской харизмой, но и властность великого государя расширяющегося государства.

Не смутило государя, что его 15-летняя девственная невеста-красавица, ставшая по его воле супругой-царицей, не говорит по-русски, так это ничего, муж сам её всему обучит: и ласкам, и языку русскому, и новой пластике души и тела юницы-государыни, готовой покоряться только одному мужу-государю, но властвовать над подданными страны и над покорённым миром. И Иван только догадывался, что его «дикая черкешенка», получив только начальное дворцовое образование, будет скоро блистать при дворе не только удивительной красотой и смелостью, сноровкой конницы-охотницы, но и памятьливым пронизательным умом.

Царь знал, что в первую брачную ночь его юница не поймёт ничего из того, что он будет говорить, но он любовно смотрел Марии в глаза, которые говорил гораздо больше того, что он нежным шёпотом шептал ей в объятьях – глаза в глаза, синие глаза в чёрные глаза. Откуда царю было знать, что придётся по вкусу дикой царице и любовный опыт царя, да и сама она окажется невероятно способной ученицей в плотских схватках-игрищах в царской опочивальне. Понравится юнице-царице быть любимой женой царя, щедрого на плотские ласки, даром что ли преподнёс ей на свадьбу такой знаковый мистический подарок – золотое блюдо, на котором лежал драгоценный платок в жемчугах...

А в их первую ночь Иван шептал Марье в чистых предварительных ласках перед тем, как лишить юницу девинства и похитить её девство:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.